

въ невинное сердце праотца нашего Адама. Таковой грѣхъ, по выраженію Ездры, будетъ продолжаться *до молотбы*, т. е. до всеобщаго воскресенія. Почему и требуется каждому человѣку разрѣшеніе отъ такого грѣха и избавленіе отъ смерти, не исключая праведныхъ людей, какіе имѣются по всему лицу земли. Праведнымъ людямъ св. Апостолъ Павелъ приписываетъ великую честь, говоря, что ихъ недостойнъ весь міръ; но всё они, при жизни своей свидѣтельствовавшие въ вѣрѣ, не получили обѣщаннаго: *Евр. 11, 38 и 39*. Входъ праведнымъ людямъ отъ смерти къ жизни открылся только крестомъ Христовымъ: *Іоан. 3, 14 и 15. Евр. 9, 8; 6, 20*. Что вы на это скажете?

Мол. Такое соображеніе святаго писанія мы признаемъ вѣрнымъ. Но такого понятія у насъ и у всѣхъ нашихъ молоканъ не имѣется. Вамъ внушаютъ ваши священники, а намъ гдѣ чего взять? У насъ въ собраніи заправляютъ ученіемъ вѣры люди неученые.

Прав. Теперь обратимъ свое вниманіе на то, какъ тѣ же праведные люди вѣрили Господу Богу и были съ Нимъ въ союзномъ договорѣ обрѣзанія: *Быт. 17, 10—14*, а новозавѣтные праведники въ союзѣ договора св. крещенія: *Матв. 28, 19 и 20*. Вы что скажете о себѣ, такъ какъ вы живете по новой благодати, а не принимаете отъ Господа Бога благодатный даръ чрезъ договоръ св. крещенія, т. е. не креститесь, безъ чего не возможно получить спасенія въ вѣчной блаженной жизни, какъ свидѣлствуетъ св. писаніе: *Іоан. 3, 5; Мар. 16, 16*?

Мол. Мы объ этомъ заботимся, но сразу сдѣлать такое дѣло для насъ становится нелегкимъ; къ тому же наше семейство большое, скоро соединить насъ къ одной мысли невозможно.

Прав. Такое дѣло очень важное для человѣка: что можетъ быть дороже сего на свѣтѣ? Поэтому вы должны такое дѣло дѣлать успѣшнѣе.

О присягѣ у калмыковъ и потворствѣ духовенства ихъ калмыкамъ-преступникамъ.

Въ случай значительнаго угона скота, состоящаго изъ сотни и болѣе головъ, если хозяинъ достовѣрно узнаетъ похитителя, но юридически доказать этого не можетъ, то заявляетъ на него подозрѣніе и проситъ его принять очистительную, или „вольную присягу“ называемую „*Шаханъ*“, которая рѣшаетъ дѣло безъ апелліаціи. Если же угонъ скота состоитъ изъ трехъ, пяти или десяти головъ и пачать дѣло, по недостатку уликъ, невозможно,

то итець и отвѣтчикъ рѣшаютъ споръ присягою въ „хурулѣ“. Во всѣхъ же прочихъ дѣлахъ, производимыхъ русскимъ начальствомъ въ улусныхъ ставкахъ, существуетъ третій родъ присяги, которую можно назвать „свидѣтельской присягою“ передъ судомъ, положенную закономъ Россійской Имперіи для всѣхъ христіанскихъ исповѣданій. Присягу, называемую „Шаханѣ“ (по своей сложности и цѣнности нынѣ почти вышедшую изъ употребленія) принимали только въ случаяхъ препарательствъ или неясныхъ уликъ въ угоны значительнаго числа головъ скотины,—т. е. сотни и болѣе штукъ. Когда по свѣдѣніямъ, собраннымъ хозяиномъ пропавшей скотины отъ разныхъ лицъ, подозрѣніе падаетъ на извѣстное лицо, то, въ устраненіе недоумѣнія, заподозрѣнному предлагаютъ очистительную присягу. Нынѣ этотъ обычай измѣнился; значительные угоны скота оканчиваются болѣею частію мировою сдѣлкой, потому что это выгодно и для потерпѣвшаго убытокъ, и для угнавшаго скотину, и для миротворителей.

По рассказамъ гелюнговъ, присяга „Шаханѣ“ должна совершаться слѣдующимъ образомъ, согласно ученію Вуддистовъ. Въ „хотонѣ“, гдѣ проживаетъ отвѣтчикъ, привозятъ бѣлую „хурульную“ кибитку, называемую „Бурхани Оргѣ“ (жилицѣ боговъ). Ее разставляютъ недалеко отъ хотона, дверями на югъ. Внутри кибитки, къ сѣверу, ставятъ большой деревянный столъ, покрытый парчею, въ родѣ жертвенника, отъ угловъ котораго по направленію къ дверямъ, двумя линиями, развѣшиваютъ священныя изображенія („Зурунъ шотенъ“) высшихъ карательныхъ божествъ, при чемъ грозный „Цойджиль“, онъ-же и „Махалага“ занимаютъ первое мѣсто. На столѣ, въ деревянномъ футлярѣ съ дверцами, въ родѣ божицы, ставятъ нѣсколько отливныхъ изображеній боговъ. Предъ ними зажигаютъ салную свѣчу, или-же „зулу“, т. е. лампадку въ родѣ металлической плошки, налитой бараньимъ саломъ или коровьимъ масломъ, со свѣтильникомъ посреди. По сторонамъ зажигаютъ курительныя тибетскія свѣчи, которыя издають пріятный запахъ. По направленію развѣшанныхъ изображеній боговъ къ дверямъ постилають въ два ряда „ширдыки“ (стеганныя кошмы), оставляя средину, идущую прямо къ жертвенному столу, ничѣмъ не занятою. На „ширдыкахъ“ должны помѣщаться „гелюнги“ и другія духовныя особы съ музыкальными инструментами, которые употребляютъ при богослуженіяхъ Ламаитовъ. Затѣмъ, на счетъ обиженнаго, покупають корову или быка черной шерсти съ бѣлымъ пятномъ на лбу. Отыскать въ стѣняхъ рогатую скотину черной шерсти съ бѣлымъ пятномъ составляетъ немалое затрудненіе и требуетъ большихъ

раск-одовъ, потому что кочевники имѣютъ скотъ большею частію красной шерсти или-же пестрой—бѣлой съ желтыми или черными пятнами. Найденную скотину приводятъ къ „хурульной кибиткѣ“ и, согласно буддійскому уставу, закалываютъ подалекѣ отъ дверей, ведущихъ въ „Бурхани Оргъ“. Закланіе происходитъ слѣдующимъ образомъ: связанное животное сваливаютъ на землю и между ребрами дѣлаютъ большой прорѣвъ, чрезъ который вынимаютъ сердце; животное моментально умираетъ. Во время этой операціи кровь животного, текущую въ изобиліи, собираютъ въ большую посуду. Голову убитой скотины отдѣляютъ отъ туловища вмѣстѣ съ кожей, вырѣзавъ бѣлое пятно на лбу, кожу же отдѣляютъ совершенно, а оставляютъ на головѣ животного. Пока голова еще не остыла, глаза животного раскрываютъ, языкъ вытягиваютъ въ сторону и въ такомъ положеніи окровавленная голова застываетъ. Кожу съ убитого животного разстилаютъ въ кибиткѣ, на пути къ жертвенному столу, шерстью внизъ, между двумя линіями „ширдьковъ“, предназначенныхъ для засѣданія духовенства. Туго вытянутую шкуру прикрѣпляютъ къ землѣ деревянными кольями, а чаще всего желѣзными шпигорьями, пропустивъ подъ порогъ, въ „хурульной кибитки“, на аршивъ или болѣе ту часть кожи, которая покрывала правую ногу животного. Скользкую сырую поверхность растянутой шкуры, какъ въ кибиткѣ такъ и въ ея предѣ входомъ, обливаютъ кровью того животного, которое убито для „Шахана“. Сердце убитой скотины кладутъ на металлическую тарелку и ставятъ на край жертвеннаго стола, предѣ отливными „бурханами“, рядомъ съ „зүлой“. Внутри кибитки, въ правой сторонѣ дверей, прикрѣпляютъ голову убитой скотины съ открытыми, застывшими глазами, вытянутымъ и завернутымъ въ сторону языкомъ. Кожу только съ черепа сдираютъ и всю голову намазываютъ кровью. Къ ноздрямъ головы привѣшиваютъ куски печени убитого животного. По лѣвую сторону кибиточной двери привѣшиваютъ черепъ человеческой головы, обративъ глазныя отверстія на присягающаго. Внизу, около входа въ „хурульную кибитку“, на сѣнкахъ утверждаютъ два ружья, заряженныхъ порохомъ со взведенными курками. Духовенство, вооруженное музыкальными инструментами, занимаетъ свои мѣста, въ двѣ линіи, отъ жертвеннаго стола и до порога. Между ними находится растянутая кожа убитого животного. Въ кибиткѣ, влѣво и вправо, недалеко отъ дверей, стоятъ посредники, въ числѣ которыхъ должно быть одинъ или два „гелюнга“; вмѣстѣ съ ними стоятъ истецъ и отвѣтчикъ. Стеченіе народа всегда бываетъ значительное... Присягу должны принимать не самъ обвиняемый, а одинъ изъ его богатыхъ родственниковъ,

котораго избирать долженъ истецъ. Подобный выборъ дѣлается въ томъ убѣжденіи, что богатый человѣкъ добросовѣстнѣ бѣдняка и не захочетъ быть клятвopеcтупникомъ. Лицо, назначенное истцомъ къ исполненію „Шахана“, неправѣ отказаться отъ присяги. Но, страшась принять оную неправильно въ пользу другого и тѣмъ предать душу „Эрлику“—(черту), стороною развѣдываетъ о происшествіи и убѣждаетъ самаго отвѣтчика сказать ему: не учинилъ-ли онъ въ самомъ дѣлѣ воровства? Такъ какъ послѣдній долженъ быть предъ нимъ настолько откровененъ, насколько откровененъ добрый христіанинъ на исповѣди,—то, въ случаѣ признанія его, лицо избранное присягать подъ разными предлогами уклоняется отъ присяги и платитъ истцу за украденное сполна со всеми проторими и убытками. Но если удостовѣрится въ пединности отвѣтчика, то изъявляетъ согласіе принять въ томъ присягу, и участь процесса зависить уже отъ удачнаго или неудачнаго исполненія оной. Присягающій къ исполненію „Шахана“ снимаетъ съ себя всю верхнюю одежду и остается въ одной бѣлой рубахѣ и исподнемъ бѣльѣ. Рукава рубахи до локтей, а шаравары до колѣнъ засучены, и онъ съ непокрытой головой босыми ногами становится предъ дверями затворенной кибитки на выпущенную подъ порогъ кожу животнаго, дѣлаетъ три поклона въ землю и отворяетъ дверь „хурульной кибитки“. Въ тотъ моментъ, когда присягающій шагнетъ черезъ порогъ, раздаются ружейные выстрѣлы, а духовенство начинаетъ играть на инструментахъ духовой музыки. Трубы ревутъ неистово, раковины издають торжественные, но оглушительные звуки (для чего каждаго инструмента бываетъ по два экземпляра) съ цѣлю поразить воображеніе и потрясти душу присягающаго. Когда присягающій босыми ногами, по слѣшно пройдетъ черезъ скользкую растянутую кожу животнаго по землѣ и ступить ногою на землю, ничѣмъ не покрытую предъ жертвенникомъ, шумъ музыкальныхъ инструментовъ прекращается, и начинается одна слышимое, въ кибиткѣ, чтеніе молитвъ, во время котораго могильные звуки басовъ (¹) торжественно разносятся по кибиткѣ, и снова поражаютъ воображеніе присягающаго. Во время чтенія молитвъ, присягающій приближается къ жертвеннику и, сложивши оконечности пальцевъ обѣихъ рукъ, прикладываетъ оныя ко лбу. Послѣ каждаго осѣпенія чела,

(¹) Между „гелюнами“ мнѣ случалось встрѣчать „бакшей (начальникъ хурула) и „гунаутовъ“ (регенты, всегда начинающій пѣніе при богослуженіяхъ), имѣющихъ сильные и густые голоса, которыми они славятся между калмыцкимъ духовенствомъ. Въ случаѣ „шахана“ ихъ привозятъ изъ хуруловъ другихъ улусовъ.

несѣбно дѣлаетъ три поклона до земли и троекратно припадаетъ головою къ „бурханамъ“. Окончивши молитву и поклопенія, по уставу буддистовъ, онъ долженъ съ одного раза погасить горящую свѣчу или лампаду и, нагнувшись къ стоящей рядомъ съ ней тарелкѣ, на которой лежитъ сердце зарѣзанной скотины, взять его зубами тоже съ одного раза и, обернувшись къ дверямъ, тѣмъ же путемъ вынести обличительную пошу вонъ изъ кибитки и, въ присутствіи истаца, отдать оную „гелюнгамъ“, которые, по разсмотрѣніи сердца и соображеніи всѣхъ обстоятельствъ „шахана“, постановляютъ словесное рѣшеніе. Если благополучно исполнены всѣ вышеизложенные обряды, подозрѣваемый объявляется невиннымъ и истець за напрасное оклеветаніе отвѣтчика платитъ ему вдвое противу цѣны иска. Но если тотъ, кто присягаетъ, входя въ „хурульную кибитку“ или выходя, хотя нѣсколько поскользнется или не погаситъ горящей лампады, а также если схватитъ зубами сердце животного не съ одного раза или сильно прокуситъ его, или выпроритъ его изъ зубовъ, при выйдѣ изъ кибитки, — присяга считается ложною и обвиняемый безусловно платитъ истцу какъ за все украденное, такъ и расходы по приготовленію и совершенію „Шахана“. А расходовъ бываетъ немало. Вопервыхъ, нужно заплатить за путевое содержаніе лицъ, отыскивавшихъ по стенамъ черное животное, которое всегда покупается по высокой цѣдѣ; во вторыхъ сдѣлать порядочный вкладъ въ „хуруль“ за перевозку изъ него кибитки („Бурхани Оргъ“) вмѣстѣ съ священными изображеніями, музыкальными инструментами и „номами“ — священными книгами. И наконецъ отблагодарить деньгами или же скотиной участвовавшихъ въ „Шаханѣ“. Сверхъ того угостить всѣхъ лицъ, которые были свидѣтелями исполненія „Шахана“. Определеніе доказательствъ вѣрности или несправедливости присяги возлагается на „гелюнговъ“ и „посредниковъ“, которые вмѣстѣ съ тяжущимися стоятъ внѣ „хурульной кибитки“. Они, получивъ изъ зубовъ присягающаго сердце скотины, предъявляютъ оное для обзора посредникамъ, избраннымъ враждующими сторонами, чтобы составить рѣшеніе по возникшему дѣлу. На приговоръ ихъ никакихъ апелляцій не допускается. Вся обстановка „Шахана“ такими предметами, по объясненію „гелюнга“, имѣетъ слѣдующее значеніе. Черная корова составляетъ аллегорическое представленіе смерти; прохожденіе по ей шкурѣ напоминаетъ присягающему, что онъ принимаетъ на себя отвѣтъ въ тяжкомъ грѣхѣ, если противу совѣсти исполнитъ припятую на себя обязанность; выстрѣлы изъ ружей и человѣческой черепъ изображаютъ внезапную кару небесъ и лишеніе жизни лжесвидѣтеля; обезображенная голова коровы напоминаетъ ему, что, въ случаѣ ложной присяги,

душа его будетъ перенесена въ безобразнѣйшихъ животныхъ, которые наводятъ ужасъ на человѣка; громкая игра на музыкальныхъ инструментахъ прогоняетъ злыхъ духовъ—„ассуриевъ“, которые всегда стараются вредить человѣку; внушая ему ложь; тихое чтеніе молитвъ приводитъ душу присягающаго къ сознанию величія долга, имъ на себя принимаемаго; изображеніе „Бурхана“ („пидюберъ узюкчи“), имѣющаго нѣсколько глазъ, и „грозныхъ бурхановъ“ напоминаетъ ему о присутствіи при совершеніи присяги всевидящаго судьи; зажженная свѣча или лампада означаетъ свѣтъ, проливаемый Творцомъ на вселенную, а благовопія курительныхъ свѣчей—милости Божіи, отъ которыхъ присягающій потушеніемъ свѣтильника отказывается. Всѣ эти дѣйствія служатъ доказательствомъ того, что онъ принимаетъ положительную присягу. Сердце убитой коровы изображаетъ простосердечіе присягающаго и чистоту его памърепій, безъ которыхъ его ожидаютъ страшныя мученія во всѣхъ осьмнадцати отдѣленіяхъ ада.

Второй родъ присяги, весьма часто употребляемый между кочевниками, состоитъ въ томъ, что, въ случаѣ пререканій между калмыками при незначительномъ угодіи скота, истецъ и отвѣтчикъ въ сопровожденіи постороннихъ лицъ отправляются въ „хуруль“—въ просторѣчій его называютъ „Кюра“ и тамъ въ кибиткѣ, называемой „Бурхани-Оргѣ“ (жилище боговъ), совершаютъ присягу. Желающіе разрѣшить недоразумѣніе присягою должны заявить о предметѣ спора „Бакшѣ“ (начальнику хурула), который, выслушавъ претензіи тяжущихся со всѣми подробностями согласно степнымъ обычаямъ, увѣщаваетъ ихъ окончить дѣло миромъ, съ нѣкоторыми уступками съ той и другой стороны. Въ случаѣ же неуспѣха его совѣтовъ, приказываетъ „гелюнгъ“, посящему званіе „Бурхачи“ (божничій—онъ присматриваетъ за цѣлостію отливныхъ изображеній боговъ и вообще за благоустройствомъ въ моленной кибиткѣ), на жертвенномъ столѣ, гдѣ разставлены отливныя изображенія боговъ, зажечь лампадку—„зулу“ и поставить ее предъ отливнымъ изображеніемъ „Далай-Ламы“; по сторонамъ „зулу“ зажечь тибетскія курительныя свѣчи, издающія запахъ мускуса, смѣшаннаго съ роснымъ ладопомъ. Предъ совершеніемъ присяги „гелюнгъ“ обязанъ прочесть поученіе обвиняемому въ томъ, что „бурханы“, присутствующіе въ хурульской кибиткѣ, все видятъ, все слышатъ и все знаютъ, а потому вторично предлагаетъ тяжущимся прекратить дѣло миромъ, потому что если присягающій что-нибудь знаетъ о происшествіи и не откроетъ, то онъ сдѣлается клятвopреступникомъ и ложною присягою навлечетъ на себя гнѣвъ боговъ, которые не замедлятъ наказать его;

и муки ада (1). Когда и послѣ втораго увѣщанія обвиняемый не сознаетъ себя виновнымъ, а истецъ не отказывается отъ своего иска, тогда „гемюнгъ“, назначенный для привода къ присягѣ, возложивши на себя сверхъ халата („лашиикъ“) священную одежду, называемую „Доикъ“ (парчевая пелерина съ фестонами, отъ которой по хребту проходитъ длинная красная лента до земли), начинаетъ читать молитвы, пробуждающія чувства страха наказаній за ложную присягу. По окончаніи чтенія, лицо присягающее складываетъ оконечности своихъ пальцевъ обѣихъ рукъ и, приложивъ ихъ ко лбу, дѣлаетъ три поклона до земли. Затѣмъ обнаженною головою трижды касается края жертвеннаго стола, задуетъ горящую лампаду—„зулу“ и гаситъ рукою курительныя свѣчи, зажженныя предъ „бурханами“. Задувая свѣтильникъ, присягающій говоритъ: „да прекратится жизнь моя такъ же внезапно, какъ я гашу этотъ свѣтильникъ, если я учинилъ взводимое на меня преступленіе или что-нибудь знаю о немъ“. Поганая рукою курительныя свѣчи („кюджи“), провозноситъ: „да лишуся я милостей божьихъ, если ложно присягаю“. По совершеніи этого обряда, прекращаются всякіе споры и дѣло считается рѣшеннымъ окончательно. Но на эту присягу не всякій калмыкъ соглашается, потому что онъ если самъ и не учинилъ преступленія, то все-таки многое знаетъ о происшествіи и старается скрыть его отъ того лица, которое понесло матеріальныя убытки отъ угона скота.

Третій родъ присяги (свидѣтельской) называется „Андагаръ“ (клятва). Ее можно совершать и въ улусныхъ управленіяхъ и въ квартирахъ полочитола улуса и его помощника, смотря потому, кто производитъ слѣдствіе; если слѣдствіе

(1) По ученію Ламантовъ адъ состоитъ изъ 18 отдѣленій, окружающихъ жилище „Иерлякъ хаа“. Въ каждомъ отдѣленіи есть свои управляющіе („вээдъ“—собственно хозяева, господа). Они имѣютъ головы козлиныя, змѣиныя, разныя звѣрей и чудовищъ и вообще представляются ужасными. Безбожники, неуважавшіе духовенства, убійцы (безъ нужды лишавшіе жизни не только людей, но и насѣкомыхъ) терпятъ въ адѣ различныя казни, но мѣръ преступленій. Перечтемъ цѣлостно изъ нихъ: 1) однихъ растираютъ жерновыми камнями, и они, бывъ растерты, опять принимаютъ ту же плоть и снова поступаютъ въ зерноа; 2) варятъ тѣла людей въ котлахъ; 3) жарятъ въ вертелахъ; 4) бросаютъ на горячіе костры; 5) таскаютъ и укладываютъ горячіе матеріалы; 6) разрываютъ тѣла желѣзными крючьями; 7) заставляютъ грѣшниковъ бѣгать чрезъ гору, усѣянную острыми саблями; 8) катаютъ тѣла людей чрезъ горы, унизанныя саблями, и они, бывъ изранены, внезапно исцѣляются только для того, чтобы снова подвергнуться тѣмъ же мученіямъ; 9) толкутъ тѣла въ ступахъ; 10) морозятъ среди не тающихъ льдовъ; 11) заставляютъ плавать въ кровавыхъ моряхъ; 12)—въ разлитыхъ нечистотахъ; 13) томятъ голодомъ; 14) томятъ жаждою, давши соленой ирчи; 15) лѣвивыхъ взнуриютъ неперисомъ огромныхъ тяжестей съ одного мѣста на другое; 16) прозорливые видятъ и никогда не насыщаются; 17) обижавшіе людей безъ всякаго съ ихъ стороны повода, воры наказываются тѣмъ, что терзаютъ одинъ другаго, подобно лютымъ звѣрямъ и, наконецъ, 18-й родъ мученій состоитъ въ томъ, что жестокосердые богачи, пресмѣшавшіеся обильною пищею и не оказывавшіе помощи бѣднымъ, а также не дѣлавшіе значительныхъ приношеній въ „хурулы“, наказываются тѣмъ, что, имѣя сидѣльщій аппаратъ и передъ глазами ишу, не могутъ ея пользоваться. Они превращаются въ уродовъ, съ огромною головою и маленькимъ ростомъ, который бываетъ не болѣе игольного ушка. Шея у нихъ тонка, какъ лошадиный волосъ, и въдобавокъ брюхо величюною съ гору, поддерживаемое тонкими ногами въ родѣ сачекъ. Этому же наказанію подвергаются всѣ осуждавшіе духовную особу. Поэтому набожные калмыки не только никогда не отзываются о своемъ духовенствѣ невыгодно, но если бы посторонній, не изъ калмыковъ, сталъ дѣлать невыгодныя отзывы о калмыцкомъ духовенствѣ, то они немедленно встанутъ и убьютъ изъ кибитки, чтобы не слышать такого богохульства.

производится въ калмыцкихъ кочевьяхъ, то и въ простой болѣе чистой кибиткѣ. По приглашенію слѣдователя, является присяжный „гелюнгъ“, котораго называютъ „андагарунъ-бакши“. Онъ приноситъ въ небольшомъ ковчежцѣ изображеніе „Бурхана“, именуемаго „Шакджи-Мунио“ оттиснутое на глинянѣ, которое будто-бы привозится изъ Тибета. Оно величиною помнога болѣе пятикопѣечной монеты въ родѣ жетона и, завернутое въ лоскутъ шелковой матеріи, хранится въ закрытомъ ковчежцѣ, похожемъ на нашу дароносицу, съ которой православные священники ходятъ напутствовать большихъ. Вошедши въ домъ или кибитку, гдѣ собраны свидѣтели, „Андагарунъ-Бакша“ вынимаетъ изъ-за пазухи ковчежецъ и ставитъ его на столъ, накрытый новымъ ситцевымъ платкомъ или салфеткою, зажигаетъ курительную свѣчу „кюджи“ и окуриваетъ ею ковчегъ. Потомъ открывъ крышечку, утвержденную на шалирахъ, вынимаетъ оттискъ священнаго изображенія изъ шелковаго лоскутка и полагаетъ на оный „бурхана“ въ томъ же ковчежцѣ. Предъ приводомъ къ присягѣ свидѣтелей, дѣлаетъ имъ увѣщаніе о томъ, чтобы они все показывали по совѣсти. Затѣмъ „гелюнгъ“, снявъ шапку, беретъ составленный для сего присяжный листъ и начинаетъ читать его во всеуслышаніе, заставляя присягающихъ повторять за нимъ тѣ слова, которыя онъ будетъ произносить, по-калмыцки. Смыслъ присяжнаго листа слѣдующій: „Боже, безошибочно различающій истину и неправду, предъ лицомъ Твоимъ свидѣтельствую по чистой справедливости и истинѣ въ томъ, что о чемъ спрашивать буду—ни для дружбы, вражды или корысти, ниже страха ради сильныхъ лицъ, ничего не утаю—что знаю, слышалъ или видѣлъ; а буду показывать сущую правду. Если же досягну солгать предъ Тобою, Судіи Всевѣдущій, то да отпнется языкъ мой, тѣло мое да низвергнуто будетъ въ преисподнюю земли и душа моя въ будущей жизни да будетъ предана Царю (собственно „Иарлыкъ-намунъ-хапъ“) адскихъ духовъ и ввержено въ вѣчно пламенную адъ! Въ заключеніе сей моей клятвы возлагаю на главу мою Твой образъ и троекратно поклонюсь Тебѣ, Всесильному Бурхану“. По окончаніи чтенія, присягающіе дѣлаютъ три поклона въ землю предъ изображеніемъ бурхана, а „гелюнгъ“ возлагаетъ на голову каждаго изъ нихъ раскрытый ковчегъ, въ которомъ хранится изображеніе „Шакджи-Муни“, — онъ же называется и „Бурхапъ-Бакша“ (богъ учитель), потомъ присяжный листъ подписывается присягавшими и „гелюнгомъ“ въ присутствіи слѣдователя. Не разъ мнѣ случалось бывать при приводѣ къ присягѣ свидѣтелей, и въ большинствѣ случаевъ я замѣчалъ, что когда „гелюнгъ“ произноситъ слова, которыми присягающіе, въ увѣреніе справедливости своихъ словъ, изъявляютъ готовность за неправильное свидѣтельство подвергнуться страшнымъ адскимъ мученіямъ,—они слова эти проходятъ молчаніемъ. По окончаніи обряда, я спрашивалъ ихъ, для чего они такъ поступаютъ; калмыки отвѣчали, что „гелюнгъ“, читавшій присяжный листъ, есть воплощенное божество, онъ не можетъ подвергнуться адскимъ мученіямъ, его мѣсто въ „Нирваннѣ“ (въ раю). „Если я не произнесу этихъ словъ предъ „бурханомъ“, то могу показать и не то,

что действительно знаю, а то, что нужно, по ходу дѣла для оправданія обвиняемаго. Или просто скажу „мадкншнбъ“ (ничего не знаю), хотя-бы многое зналъ! И за это неправильное показаніе не подвергнусь адскимъ мученіямъ, потому что предъ „бурханомъ“ я этихъ страшныхъ словъ не произношу. Вотъ почему весьма часто случается, что калмыки, принимая свидѣтельскую присягу, смѣются надъ этою формальностію, съ умысломъ опуская страшныя слова, показываютъ не то, что слѣдовало бы показать. А потому улусному начальству, получившему свидѣніи о происшествіи въ степяхъ, при такихъ условіяхъ весьма трудно узнать истину (1).

Приведенный нами взглядъ на свидѣтельскую присягу у кочевниковъ поддерживается еще и толкованіями калмыцкаго духовенства, которое, находясь въ близкихъ и даже родственныхъ связяхъ съ простыми калмыками („хара кюнъ“), если не дѣломъ, то совѣтами участвуетъ въ угонахъ скота. Проводя праздную жизнь, оно не занимается изученіемъ правилъ своей религіи, а постоянно бродитъ изъ кибитки въ кибитку, занимается распространеніемъ въ народѣ самыхъ пелѣвыхъ ученій, которыя приписываются кочевниками за непреложную истину. Такъ, наприм., между калмыками въ ходу такое ученіе, что если степнякъ, угнавшій чужую скотину, нѣсколько головъ пожертвуетъ въ хуруль, то воровствомъ своимъ не только не заслужитъ наказанія въ будущей жизни, а получить еще награду, потому что питаніе духовенства, по ученію буддистовъ, считается величайшею заслугою людей въ дѣлѣ спасенія. Такой благотворитель, хотя бы онъ былъ и грѣшникъ, по молитвамъ за него калмыцкаго духовенства, составляющаго часть „буддѣйской триады“ („гурбанъ эрдени“), получить блаженное перерожденіе или-же „нирвану“, т. е. рай. На этомъ основанія степные удалыцы въ большинствѣ случаевъ и отдають часть украденной скотины въ хуруль. Поэтому-то, если внимательно поресмотрѣть хурульниа стада или табуны, то въ нихъ можно пайти животнаго съ „таврами“ разныхъ улусовъ и родовъ. Если же посторонніи лица въ хурульныхъ табунахъ или стадахъ опознали свою скотину, привлекая къ отвѣтственности калмыцкое духовенство, оно обыкновенно отвѣчаетъ такъ: „мы живемъ подаяніями и не ведемъ записи: кто именно, сколько и когда жертвовалъ скотъ на хуруль, а потому не знаемъ, кто именно подарилъ въ хуруль опознанное вами животное...“ И коротко и ясно!.. Вотъ почему о всѣхъ происшествіяхъ

(1) При частныхъ спорахъ между калмыками, по случаю пропажи денегъ, когда возникаетъ подозрѣніе на кого-либо въ похищеніи, кочевники придумали особый родъ присяги. Не доводя о пропажѣ денегъ до свидѣнія улуснаго начальства и не доносилъ объ этомъ и своему духовенству, они употребляютъ иногда слѣдующій способъ. Въ присутствіи неща и отвѣтника, посторонніе люди заряжаютъ ружье пулею и потомъ взводятъ курокъ ружья, насыпавъ на полку пороха для затравки (надобно замѣтить, что между кочевниками доселѣ еще въ большомъ употребленіи кремневая ружья), заставляють заподозрѣнное лицо поцѣловать дуло заряженнаго ружья. Если присягающій правъ, говорятъ они, то ружье не выстрѣлитъ, если же виновать, то „чертъ“ дернетъ за собачку и ружье въ моментъ поцѣлуя сдѣлаетъ выстрѣлъ. Но ученію буддистовъ, „чертъ“ виновникъ смерти людей; онъ похищаетъ ихъ изъ среды живыхъ и препровождаетъ къ Плутону—„Иэрдикъ-хану. Поэтому-то мнѣ однажды случилось спросить одну женщину: были-ли у ней дѣти? И она вмѣсто того, чтобы сказать: „были, да умерли“, отвѣчала: „были, да чертъ взялъ“.

между кочевниками въ ближайшихъ хурулахъ имѣются самыя вѣрныя свѣдѣнія, Угнали ли у кого скотину, ограбили ли проѣзжающаго, духовенство знаетъ все обстоятельства дѣла, т. е. кто укралъ или ограбилъ, гдѣ и у кого хранится похищенное; но употребляетъ все зависящія отъ него мѣры скрыть слѣды преступленія отъ русскаго начальства или же запугать дѣло такъ, что его года два не разберешь. Лишь только случилось въ степяхъ что-либо особенно выдающееся, то одинъ или два „гелюнга“ отправляются въ ставку разузнать, знаетъ ли улусное начальство о происшествіи? Если знаетъ, то что оно намѣрено предпринять? Эти визиты обыкновенно дѣлаются подѣ видомъ дружескаго посѣщенія — узнать о здоровьи въ которыхъ чиновниковъ, служащихъ при ставкѣ. Во время этихъ-то, по видимому, обыденныхъ разговоровъ о житьѣ-бытьѣ и узнаютъ все, что имъ нужно!.. Если намѣреваются розыскивать лицъ, угнавшихъ скотину, или произвести внезапный обыскъ въ хотонѣ по случаю грабежа, то, гораздо прежде отправленія на мѣсто происшествія комисіи, даютъ знать объ этомъ кому слѣдуетъ и тамъ принимаются зависящія мѣры къ сокрытію слѣдовъ преступленія, такъ что чиновники, прибывшіе въ „хотонъ“, не найдутъ ни лицъ, ни подличаго. Если при нападеніи на кого бы то ни было, совершено убійство, указано на лицъ, совершившихъ преступленіе, такъ что скрыть преступниковъ невозможно, то и въ этихъ случаяхъ калмыцкое духовенство нисколько не задумывается. Оно преступника показываетъ умершимъ, а между тѣмъ переименуетъ ему имя, и живой мертвецъ съ новымъ именемъ преспокойно разгугливаетъ въ своихъ кочевьяхъ (1). Бывали случаи, что, съ цѣлію сокрыть преступленіе, сожигали тѣла убитыхъ, которыми бываютъ большею частію или казаки, служащіе при ставкахъ, или же русскіе торговцы. Для примѣра укажу два выдающіеся случая сожженія убитыхъ, которые въ свое время долго служили предметомъ разговоровъ между кочевниками. Въ первомъ случаѣ пострадалъ казакъ, служившій при ставкѣ Харахусовскаго улуса, а во второмъ урядникъ, служившій на Майлихаринскомъ никетѣ, въ районѣ вѣдомства Эркетевскаго улуса. — *П. Смирновъ.* (Изъ Астрах. Справ. Листка 1882 г. №№ 227, 236 и 240).

ПОПРАВКА: Въ предыдущемъ № 16, на 288 стран. во 2 строкѣ св. напечатано: „28 іюня Баба-Жалыцъ“, а читать надо „28 іюня армянскій священный Баба-Жалыцъ“.

(1) По ученію буддистовъ, можно переименовать имя человѣку потому, что оно несчастно. Поводомъ къ сему служатъ болѣзни извѣстнаго субъекта или несчастье въ степномъ хозяйствѣ. Почему преступникъ, показанный умершимъ, на вопросъ одохотонцевъ, зачѣмъ онъ переименовалъ имя, обыкновенно отвѣчаетъ: „я часто хворалъ, носилъ презрѣе имя, почему „зурхачи“ (астрологи), на основаніи „зурхачейскихъ книгъ“, открыли причину моей болѣзни и переименовали мнѣ имя, увидя, что оно возвратитъ мнѣ здоровье и принесетъ мнѣ счастье!“

Редакторъ М. Дубровскій.